

#ЭКОПОКЕТ

Гюстав Лебон

**ПСИХОЛОГИЯ
НАРОДОВ
И МАСС**

**THE
BEST**

#экопокет

Гюстав Лебон

Психология народов и масс

«Питер»

1895

УДК 316.6
ББК 88.5

Лебон Г.

Психология народов и масс / Г. Лебон — «Питер»,
1895 — (#экопocket)

ISBN 978-5-4461-2302-5

Представьте себе, что на площади собралась толпа. Все что-то кричат и требуют. Вы подходите к ним. Уже через 10 минут вы тоже кричите, вас переполняет чувство негодования и протеста. Как будто вы попали под чей-то гипноз. Вы делаете что-то, что не входило в ваши планы полчаса назад. Известный психолог Гюстав Лебон анализирует, какое влияние толпа оказывает на отдельного человека, как формируется это влияние, как можно от него защититься, что делать, чтобы не оказаться втянутым в толпу. Эта книга была широко известна на протяжении всего XX века. Французский социолог и ученый Гюстав Лебон описал технологии манипулирования массами людей. Власть толпы очень сильна и может быть опасна. Научитесь управлять своим поведением и не давайте себя втягивать в сомнительные мероприятия. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 316.6
ББК 88.5

ISBN 978-5-4461-2302-5

© Лебон Г., 1895
© Питер, 1895

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Отдел первый	12
Глава I	12
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Гюстав Лебон
Психология народов и масс

© ООО Издательство «Питер», 2022

Предисловие

Мы посвятили свою предшествующую работу описанию души рас; теперь же займемся изучением души толпы.

Общие черты, обусловливаемые наследственностью у всех индивидов одной и той же расы, составляют душу этой расы. Но когда известное число этих индивидов образует действующую толпу, наблюдение указывает, что результатом такого сближения индивидов одной расы являются новые психологические черты, не только противопологающиеся характеру рас, но часто отличающиеся от него в значительной степени.

Организованная толпа всегда играла большую роль в жизни народов, но роль эта еще никогда не имела такого важного значения, как в данную минуту. Главной характерной чертой нашей эпохи служит именно замена сознательной деятельности индивидов бессознательной деятельностью толпы.

Я сделал попытку изучения трудной проблемы толпы посредством исключительно научных приемов, то есть старался отыскать метод, оставляя в стороне мнения, теории и доктрины. Я полагаю, что это единственный способ, дающий возможность раскрыть хоть частицу правды, особенно в таком вопросе, который так сильно волнует умы.

Ученый, приступающий к изучению какого-нибудь явления, не имеет нужды принимать во внимание интересы, которые могут быть задеты его открытиями. Недавно один из выдающихся современных мыслителей высказал замечание, что так как я не принадлежу ни к одной из современных школ, то весьма часто оказываюсь в оппозиции с выводами и заключениями всех школ. Эта новая моя работа, по всей вероятности, вызовет подобные же замечания. Принадлежать к какой-нибудь школе – это значит необходимым образом разделять все ее предрассудки и предубеждения.

Я должен, однако, объяснить читателям, почему в моих исследованиях я прихожу иногда к совершенно иным выводам, чем это можно было бы ожидать с первого взгляда: я указываю, например, на крайне низкую степень толпы в умственном отношении, включая сюда даже собрания избранных, и, между тем, я все-таки заявляю, что было бы опасно коснуться организации этих собраний.

Внимательное наблюдение исторических фактов заставило меня прийти к тому заключению, что социальные организмы столь же сложны, как и организмы всех живых существ, и не в нашей власти вызывать в них глубокие изменения. Природа действует иногда радикально, но никогда – в том смысле, как мы это понимаем; вот почему мания великих реформ бывает очень пагубна для народа, как бы ни казались хороши эти реформы в теоретическом отношении. Они могли бы принести пользу лишь в том случае, если бы можно было мгновенно изменить душу наций, но таким могуществом обладает лишь время. Управляют людьми идеи, чувства, нравы, то, что мы носим в себе. Учреждения и законы являются лишь отражением нашей души, выражением наших нужд; поэтому-то они и не могут изменить душу народов, так как сами из нее происходят.

Изучение социальных явлений не может идти отдельно от изучения народов, у которых они наблюдаются. В философском отношении эти явления могут даже представлять собой абсолютную ценность, но в практическом отношении ценность их всегда относительная. Поэтому-то, изучая какое-нибудь социальное явление, надо рассматривать его последовательно с двух различных сторон. Таким образом, яснее выступает то положение, что весьма часто веления чистого разума находятся в прямом противоречии с поучениями практического ума. Это наблюдается всюду, даже там, где дело касается данных физики. С точки зрения абсолютной истины, куб и круг представляют собой неизменные геометрические фигуры, строго определяемые известными формулами. Но для нашего глаза фигуры эти могут принимать

самые разнообразные формы. Так, перспектива может превратить куб в пирамиду или квадрат, круг – в эллипс или даже в прямую линию, и эти фиктивные формы для нас гораздо важнее, нежели реальные, так как мы видим только их, и фотография или живопись могут воспроизводить только эти формы. Нереальное в некоторых случаях бывает даже правдивее реального. Представлять предметы лишь в их точных геометрических формах было бы искажением природы и сделало бы ее неузнаваемой. Представим себе такой мир, обитатели которого могли бы лишь фотографировать и срисовывать различные предметы, не имея возможности к ним прикасаться; этим обитателям было бы очень трудно составить себе верное понятие об их форме. Впрочем, знание этой формы, доступное лишь небольшому числу ученых, не представило бы для них особенного интереса.

Философ, изучающий социальные явления, должен всегда помнить, что рядом с теоретическим значением они имеют еще и практическую ценность, и, с точки зрения эволюции цивилизаций, эта последняя – единственная, представляющая некоторое значение. Такая точка зрения должна сделать его очень осторожным в тех выводах, которые, по-видимому, внушаются ему логикой. Но и другие мотивы также заставляют его быть сдержанным в своих заключениях. Сложность социальных фактов такова, что их нельзя обнять все сразу и невозможно предвидеть результаты их взаимного влияния. Кроме того, за видимыми фактами весьма часто скрываются тысячи невидимых причин. Социальные же явления являются следствием громадной бессознательной работы, большей частью недоступной нашему анализу. Эти видимые явления можно сравнить с волнами, служащими на поверхности океана выражением подземных сотрясений его дна, которые нам неизвестны. Наблюдая большинство поступков толпы, мы видим, что они чаще всего служат выражением ее замечательно низкого умственного уровня. Но есть такие случаи, когда действиями толпы руководят, по-видимому, таинственные силы, называвшиеся в древности судьбой, природой, провидением и теперь именуемые «голосом мертвых». Мы не можем не признавать могущества этих сил, хотя совершенно не знаем их сущности. Иногда кажется, что в недрах наций находятся скрытые силы, руководящие их действиями. Что может быть, например, более сложным, более логичным и удивительным, нежели язык народа?

Введение

Эра толпы

Великие перевороты, предшествующие изменению цивилизации, например падение Римской империи и основание арабской, на первый взгляд определяются главным образом политическими переменами, нашествием иноплеменников, падением династий. Но более внимательное изучение этих событий указывает, что за этими кажущимися причинами чаще всего скрывается глубокое изменение идей народов. Истинно исторические перевороты – не те, которые поражают нас своим величием и силой. Единственные важные перемены, из которых вытекает обновление цивилизаций, совершаются в идеях, понятиях и верованиях. Крупные исторические события являются лишь видимыми следствиями невидимых перемен в мысли людей. Перемены эти, однако, случаются редко, потому что самое прочное в каждой расе – это наследственные основы ее мыслей.

Современная эпоха представляет собой один из таких критических моментов, когда человеческая мысль готовится к изменению. В основе этого изменения лежат два главных фактора. Первый – это разрушение религиозных, политических и социальных верований, давших начало всем элементам нашей цивилизации; второй – это возникновение новых условий существования и совершенно новых идей, явившихся следствием современных открытий в области наук и промышленности.

Идеи прошлого, хотя и наполовину разрушенные, все еще достаточно сильны; идеи же, которые должны их заменять, находятся еще в периоде своего образования – вот почему современная эпоха есть время переходное и анархическое.

Нелегко предсказать, что может выйти из такого периода, поневоле имеющего хаотический характер. Каковы будут основные идеи, на которых воздвигнутся новые общества, идущие нам на смену? Мы этого пока не знаем. Но мы уже теперь можем видеть, что при своей организации им придется считаться с новой силой, последней повелительницей современной эпохи – могуществом масс. Эта сила возникла на развалинах многих идей, считавшихся некогда истинными и теперь исчезнувших, многих сил, разрушенных последовательно революциями, и, по-видимому, готова поглотить и остальные. И в то время, как все наши древние верования колеблются и исчезают, старинные столпы общества рушатся друг за другом, могущество масс представляет собой единственную силу, которой ничто не угрожает и значение которой все увеличивается. Наступающая эпоха будет поистине эрой масс.

Не более столетия тому назад традиционная политика государств и соперничество государей были главными факторами событий. Мнение масс не принималось в расчет, да большей частью оно и не существовало. В настоящее же время политические традиции, личные склонности монархов, их соперничество уже более не принимаются в расчет, и, наоборот, голос толпы становится преобладающим. Массы диктуют правительству его поведение, и именно к их желаниям оно и старается прислушаться. Не в совещаниях государей, а в душе толпы подготавливаются теперь судьбы наций.

Вступление народных классов на арену политической жизни, то есть в действительности их постепенное превращение в руководящие классы, представляет одну из наиболее выдающихся характерных черт нашей переходной эпохи. Это вступление на самом деле вызвано вовсе не всеобщей подачей голосов, которая долгое время не имела самостоятельной, руководящей роли и легко подчинялась сторонним влияниям. Прогрессивный рост могущества толпы совершился прежде всего путем распространения известных идей, которые медленно насаждались в умах, а затем – посредством постепенного образования ассоциаций индивидов с целью осуществления теоретических построений. Путем ассоциации толпа выработала идеи

(если не совсем справедливые, то, во всяком случае, вполне определенные) о своих интересах и получила сознание своей силы. Толпа составляет синдикаты, перед которыми капитулируют все власти, одна за другой, и организует биржи труда, стремящиеся управлять условиями работы и заработной платы. Толпа посылает в правительственные собрания своих представителей, лишенных всякой инициативы и, чаще всего, служащих только простым орудием тех комитетов, которые их избрали.

В настоящее время притязания толпы становятся все более и более определенными. Ограничение рабочих часов, экспроприация рудников, железных дорог, фабрик, земли, равномерное распространение всех продуктов и т. д., и т. д. – вот в чем заключаются требования толпы.

Мало склонные к теоретическим рассуждениям, массы зато очень склонны к действию. Благодаря своей теперешней организации, толпа получила огромную силу. Догматы, только что нарождающиеся, скоро получают силу старых догматов, то есть ту тираническую верховную силу, которая не допускает никаких обсуждений. Божественное право масс должно заменить божественное право королей.

Писатели, пользующиеся симпатиями нашей современной буржуазии и лучше всего умеющие выразить ее несколько узкие идеи, поверхностный скептицизм и подчас чрезмерный эгоизм, теряются при виде новой силы, растущей на их глазах, и, чтобы как-нибудь побороть «беспорядок», господствующий в умах, обращаются с отчаянными воззваниями к нравственным силам церкви, которыми некогда они так пренебрегали. Они говорят нам о банкротстве науки и, возвращаясь кающимися грешниками из Рима, призывают нас к изучению истин откровения. Но все эти новообращенные забывают, что уже слишком поздно! Если бы даже в самом деле милость Божия коснулась их, все-таки они не могли бы теперь иметь достаточной власти над душами, мало интересующимися теми вопросами, которыми так поглощены новоиспеченные святоши. Толпа не хочет теперь тех богов, которых они сами не хотели знать еще так недавно и ниспровержению которых сами способствовали. Нет такой божественной или человеческой власти, которая могла бы заставить реку течь обратно к своему источнику!

С наукой не произошло никакого банкротства, и она не при чем ни в нынешней анархии умов, ни в образовании новой силы, растущей посреди этой анархии. Наука обещала нам истину или по крайней мере знание тех отношений, которые доступны нашему уму, но она никогда не обещала нам ни мира, ни счастья. Совершенно равнодушная к нашим чувствам, наука не слышит наших жалоб. Мы должны прилаживаться к ней, потому что ничто не может вернуть нам тех иллюзий, которые она рассеяла.

Общие симптомы, заметные у всех наций, указывают нам быстрый рост могущества масс и не допускают мысли, что это могущество скоро перестанет расти. Что бы оно нам ни принесло с собой, мы должны будем с ним примириться. Всякие рассуждения и речи против этого могущества – пустые слова. Конечно, возможно, что вступление на сцену толпы знаменует собой одни из последних этапов цивилизации Запада, полное возвращение к периодам смутного переходного времени, всегда, по-видимому, предшествующего расцвету каждого нового общества. Но как же помешать этому?

До сих пор самой определенной ролью масс было великое разрушение устаревших цивилизаций. Роль эта существует не с нынешнего дня. История указывает нам, что как только нравственные силы, на которых покоилась цивилизация, теряют власть, дело окончательного разрушения завершается бессознательной и грубой толпой, справедливо называемой варварами. Цивилизации создавались и оберегались маленькой горстью интеллектуальной аристократии, никогда – толпой. Сила толпы направлена лишь к разрушению. Владычество толпы всегда указывает на фазу варварства. Цивилизация предполагает существование определенных правил, дисциплину, переход от инстинктивного к рациональному, предвидений будущего, более высокую степень культуры, а это все условия, которых толпа, предоставленная сама себе, никогда

не могла осуществить. Благодаря своей исключительно разрушающей силе, толпа действует, как микробы, ускоряющие разложение ослабленного организма или трупа. Если здание какой-нибудь цивилизации подточено, то всегда толпа вызывает его падение. Тогда-то обнаруживается ее главная роль, и на время философия численности является, по-видимому, единственной философией истории.

Будет ли так же и с нашей цивилизацией? Мы можем этого бояться, но еще не можем этого знать. Что бы там ни было, но мы должны покориться и пережить царство толпы.

Эту толпу, о которой начинают так много говорить, мы знаем очень мало. Профессиональные психологи, жившие вдали от нее, всегда ее игнорировали, а если занялись ею в последнее время, то лишь с точки зрения ее преступности. Без сомнения, есть преступная толпа, но есть также толпа добродетельная, героическая и много других. Преступления толпы составляют лишь частный случай ее психологии; нельзя узнать духовную организацию толпы, изучая только ее преступления, так же как нельзя узнать духовную организацию какой-нибудь личности, изучая только ее пороки. Впрочем, говоря по правде, все властители мира, все основатели религий или государств, апостолы всех верований, выдающиеся государственные люди и, в сфере более скромной, простые вожди маленьких человеческих общин всегда были бессознательными психологами, инстинктивно понимающими душу толпы и часто – очень верно. Именно благодаря этому пониманию они и становились властелинами толпы. Наполеон прекрасно постиг психологию масс той страны, в которой царствовал, но зачастую выказывал полное непонимание психологии толпы других народов и рас. Только потому что он не понимал этой психологии, он и мог вести войну с Испанией и Россией, нанесящую его могуществу удар, от которого оно погибло.

Знание психологии толпы составляет в настоящее время последнее средство, имеющееся в руках государственного человека, – не для того, чтобы управлять массами, так как это уже невозможно, а для того, чтобы не давать им слишком много воли над собой.

Только вникая глубже в психологию масс, можно понять, до какой степени сильна над ними власть внушенных идей. Толпами нельзя руководить посредством правил, основанных на чисто теоретической справедливости, а надо отыскивать то, что может произвести на нее впечатление и увлечь ее. Если, например, какой-нибудь законодатель желает учредить новый налог, то должен ли он в таком случае выбрать такой налог, который будет наиболее справедливым? Никким образом! Самый несправедливый налог может в практическом отношении оказаться самым лучшим для масс. Если такой налог не бросается в глаза и кажется наименее тяжелым, он всего легче будет принят массами. Поэтому косвенный налог, как бы он ни был велик, не вызовет протеста толпы, так как он не стесняет ее привычек и не производит на нее впечатления, ибо взимается ежедневно и уплачивается по мелочам при покупке предметов потребления. Но попробуйте заменить этот налог пропорциональным налогом на заработок или другие доходы и потребуйте уплаты этого налога сразу, – вы вызовете единодушные протесты, хотя бы теоретически этот налог и был бы в десять раз легче первого. Вместо незаметных копеек, уплачиваемых ежедневно, тут получается сравнительно высокая сумма, и в тот день, когда ее придется вносить, она покажется чрезмерной и потому уже произведет внушительное впечатление. Если бы откладывать постепенно по грошу, то, конечно, она не показалась бы такой большой, но подобный экономический прием указывал бы на предусмотрительность, к которой вообще толпа не способна.

Указанный пример весьма прост, и справедливость его бросается в глаза. Такой психолог, как Наполеон, конечно, понимал это, но большинство законодателей, не знающих души толпы, не заметят этой особенности. Опыт еще недостаточно убедил их в том, что нельзя руководить массами посредством предписаний только одного разума.

Психология масс может иметь применение и во многих других случаях. Она бросает свет на множество исторических и экономических фактов, которые без нее были бы совершенно

необъяснимы. Я буду иметь случай указать здесь, что если самый замечательный из современных историков, Тэн, так плохо понимал в некоторых случаях события нашей великой революции, то это произошло лишь потому, что он никогда не думал изучать душу толпы. Он взял для себя руководством при изучении этого сложного периода описательный метод натуралистов; но ведь среди явлений, которые приходится наблюдать натуралистам, мы не находим нравственных сил, а между тем эти силы и составляют истинные пружины истории.

Итак, изучение психологии толпы представляется желательным с практической точки зрения, но если бы даже оно представляло исключительно только теоретический интерес, то и в таком случае заслуживало бы внимания. Распознать двигателей, управляющих действиями людей, не менее интересно, чем распознать какой-нибудь минерал или цветок.

Наше исследование души толпы не может быть не чем иным, как простым синтезом, кратким изложением наших прежних изысканий. Нельзя требовать от нашего очерка ничего другого, кроме некоторых взглядов, наводящих на размышления. Другие углубят ту борозду, которую мы провели на поверхности до сих пор еще очень мало исследованной почвы.

Отдел первый

Душа толпы

Глава I

Общая характеристика толпы. Психологический закон ее духовного единства

Под словом «толпа» подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание. Но с психологической точки зрения слово это получает уже совершенно другое значение. При известных условиях – и притом только при этих условиях – собрание людей имеет совершенно новые черты, отличающиеся от тех, которые характеризуют отдельных индивидов, входящих в состав этого собрания. Сознательная личность исчезает, причем чувства и идеи всех отдельных единиц, образующих целое, именуемое толпой, принимают одно и то же направление. Образуется коллективная душа, имеющая, конечно, временный характер, но и очень определенные черты. Собрание в таких случаях становится тем, что я назвал бы, за неимением лучшего выражения, организованной толпой или толпой одухотворенной, составляющей единое существо и подчиняющейся закону духовного единства толпы.

Без всякого сомнения, одного факта случайного нахождения вместе многих индивидов недостаточно для того, чтобы они приобрели характер организованной толпы; для этого нужно влияние некоторых возбудителей, природу которых мы и постараемся определить.

Исчезновение сознательной личности и ориентирование чувств и мыслей в известном направлении – главные черты, характеризующие толпу, вступившую на путь организации, – не требуют непременно и одновременного присутствия нескольких индивидов в одном и том же месте. Тысячи индивидов, отделенных друг от друга, могут в известные моменты подпадать одновременно под влияние некоторых сильных эмоций или какого-нибудь великого национального события и приобретать, таким образом, все черты одухотворенной толпы. Стоит какой-нибудь случайности свести этих индивидов вместе, чтобы все их действия и поступки немедленно приобрели характер действий и поступков толпы. В известные моменты даже шести человек достаточно, чтобы образовать одухотворенную толпу, между тем как в другое время сотня человек, случайно собравшихся вместе, при отсутствии необходимых условий, не образует подобной толпы. С другой стороны, целый народ под действием известных влияний иногда становится толпой, не представляя при этом собрания в собственном смысле этого слова. Одухотворенная толпа после своего образования приобретает общие черты – временные, но совершенно определенные. К этим общим чертам присоединяются частные, меняющиеся сообразно элементам, образующим толпу и могущим в свою очередь изменить ее духовный состав. Одухотворенная толпа может быть подвергнута известной классификации. Мы увидим далее, что разнокалиберная толпа, то есть такая, которая состоит из разнородных элементов, имеет много общих черт с однородной толпой, то есть такой, которая состоит из более или менее родственных элементов (секты, касты и классы). Рядом с этими общими чертами, однако, резко выступают особенности, которые дают возможность различать оба рода толпы.

Прежде чем говорить о различных категориях толпы, мы должны изучить ее общие черты и будем поступать, как натуралист, начинающий с описания общих признаков, существующих у всех индивидов одной семьи, и затем уже переходящий к частностям, позволяющим различать виды и роды этой семьи.

Нелегко изобразить с точностью душу толпы, так как ее организация меняется не только сообразно расе и составу собраний, но и соответственно природе и силе возбудителей, которым подчиняются эти собрания. Впрочем, на такие же затруднения мы наталкиваемся и приступая к психологическому изучению отдельного индивида. Только в романах характер отдельных личностей не меняется в течение всей их жизни; в действительности же однообразие среды создает лишь кажущееся однообразие характеров. В другом месте я указал уже, что в каждой духовной организации заключаются такие задатки характера, которые тотчас же заявляют о своем существовании, как только в окружающей среде произойдет внезапная перемена. Так, например, среди наиболее суровых членов Конвента можно было встретить совершенно безобидных буржуа, которые при обыкновенных условиях, конечно, были бы простыми мирными гражданами, занимая должности нотариусов или судей. Когда гроза миновала, они вернулись к своему нормальному состоянию мирных буржуа, и Наполеон именно среди них нашел себе самых покорных слуг.

Не имея возможности изучить здесь все степени организации толпы, мы ограничимся преимущественно толпой, уже совершенно организованной. Таким образом, из нашего изложения будет видно лишь то, чем может быть толпа, но не то, чем она всегда бывает. Только в этой позднейшей фазе организации толпы среди неизменных и преобладающих основных черт расы выделяются новые специальные черты и происходит ориентирование чувств и мыслей собрания в одном и том же направлении, и только тогда обнаруживает свою силу вышеназванный психологический закон духовного единства толпы.

Некоторые психологические черты характера толпы общи у нее с изолированными индивидами; другие же, наоборот, присущи только ей одной и встречаются только в собраниях. Мы прежде всего рассмотрим именно эти специальные черты, для того чтобы лучше выяснить их важное значение.

Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворенной толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности. Существуют такие идеи и чувства, которые возникают и превращаются в действия лишь у индивидов, составляющих толпу. Одухотворенная толпа представляет собой временный организм, образовавшийся из разнородных элементов, на одно мгновение соединившихся вместе, подобно тому, как соединяются клетки, входящие в состав живого тела и образующие посредством этого соединения новое существо, обладающее свойствами, отличающимися от тех, которыми обладает каждая клетка в отдельности.

Вопреки мнению, встречающемуся, к нашему удивлению, у такого проницательного философа, как Герберт Спенсер, в агрегате, образующем толпу, нет ни суммы, ни среднего входящих в состав ее элементов, но существует комбинация этих элементов и образование новых свойств, подобно тому, как это происходит в химии при сочетании некоторых элементов, оснований и кислот, например, образующих новое тело, обладающее совершенно иными свойствами, чем те, которыми обладают элементы, послужившие для его образования.

Нетрудно заметить, насколько изолированный индивид отличается от индивида в толпе, но гораздо труднее определить причины этой разницы. Для того, чтобы хоть несколько разъяснить себе эти причины, мы должны вспомнить одно из положений современной психологии, а именно то, что явления бессознательного играют выдающуюся роль не только в органической жизни, но и в отправлениях ума. Сознательная жизнь ума составляет лишь очень малую часть по сравнению с его бессознательной жизнью. Самый тонкий аналитик, самый проницательный наблюдатель в состоянии подметить лишь очень небольшое число бессознательных двигателей, которым он повинует. Наши сознательные поступки вытекают из субстрата бессозна-

тельного, создаваемого в особенности влияниями наследственности. В этом субстрате заключаются бесчисленные наследственные остатки, составляющие собственно душу расы. Кроме открыто признаваемых нами причин, руководящих нашими действиями, существуют еще тайные причины, в которых мы не признаемся, но за этими тайными причинами есть еще более тайные, потому что они неизвестны нам самим. Большинство наших ежедневных действий вызывается скрытыми двигателями, ускользающими от нашего наблюдения.

Элементы бессознательного, образующие душу расы, именно и являются причиной сходства индивидов этой расы, отличающихся друг от друга главным образом элементами сознательного, – тем, что составляет плод воспитания или же результат исключительной наследственности. Самые несходные между собой по своему уму люди могут обладать одинаковыми страстями, инстинктами и чувствами; и во всем, что касается чувства, религии, политики, морали, привязанностей и антипатий и т. п., люди самые знаменитые только очень редко возвышаются над уровнем самых обыкновенных индивидов. Между великим математиком и его сапожником может существовать целая пропасть с точки зрения интеллектуальной жизни, но с точки зрения характера между ними часто не замечается никакой разницы или же очень небольшая.

Эти общие качества характера, управляемые бессознательным и существующие в почти одинаковой степени у большинства нормальных индивидов расы, соединяются вместе в толпе. В коллективной душе интеллектуальные способности индивидов и, следовательно, их индивидуальность исчезают, разнородное утопает в однородном, и берут верх бессознательные качества.

Такое именно соединение заурядных качеств в толпе и объясняет нам, почему толпа никогда не может выполнить действия, требующие возвышенного ума. Решения, касающиеся общих интересов, принятые собранием даже знаменитых людей в области разных специальностей, мало все-таки отличаются от решений, принятых собранием глупцов, так как и в том, и в другом случае соединяются не какие-нибудь выдающиеся качества, а только заурядные, встречающиеся у всех. В толпе может происходить накопление только глупости, а не ума. «Весь мир», как это часто принято говорить, никак не может быть умнее Вольтера, а наоборот, Вольтер умнее, нежели «весь мир», если под этим словом надо понимать толпу.

Если бы индивиды в толпе ограничивались только соединением заурядных качеств, которыми обладает каждый из них в отдельности, то мы имели бы среднюю величину, а никак не образование новых черт. Каким же образом возникают эти новые черты? Вот этим-то вопросом мы и займемся теперь.

Появление этих новых специальных черт, характерных для толпы и притом не встречающихся у отдельных индивидов, входящих в ее состав, обуславливается различными причинами. Первая из них заключается в том, что индивид в толпе приобретает, благодаря только численности, сознание непреодолимой силы, и это сознание позволяет ему поддаваться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю, когда бывает один. В толпе же он менее склонен обуздывать эти инстинкты, потому что толпа анонимна и не несет на себе ответственности. Чувство ответственности, сдерживающее всегда отдельных индивидов, совершенно исчезает в толпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.